

Петросянц Орест Викторович

ОБРАЩЕНИЕ ФРАНКЛИНА РУЗВЕЛЬТА К АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ 15 АПРЕЛЯ 1939 Г. И АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье рассматривается сущность миротворческого обращения президента США Франклина Рузвельта к рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру, состоявшегося 15 апреля 1939 г. Автор выявляет цели Рузвельта, а также подробно анализирует ответное выступление Гитлера в Рейхстаге, во время которого фюрер отринул предложенные инициативы, подверг критике внешнюю политику США и представил агрессивные действия Германии на международной арене как обоснованные шаги на пути восстановления нарушенной Версальским договором исторической справедливости.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 118-124. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

GERMAN POLICY OF VERSAILLES TREATY UNILATERAL REVISION AND THE U.S. REACTION (OCTOBER 1933 - MARCH 1935)

Aleksandr Vladimirovich Pavlyuchenko

Department of Modern and Contemporary History of Europe and America

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

satirzenit@yandex.ru

The author tends to explain the inaction of the Western powers and, above all, the passive reaction of the USA to the German rearmament after its withdrawal from Geneva Conference on Disarmament, and substantiates that the U.S. reaction to the German policy aimed at Versailles Treaty revision is of particular interest due to the fact that the German-American relations during the early years of Adolf Hitler and Franklin D. Roosevelt governing are relatively poor studied.

Key words and phrases: German-American relations; Adolf Hitler; Franklin Roosevelt; policy of “imaginary peacefulness”; Versailles Treaty revision; Geneva Conference on Disarmament; introduction of universal military service.

УДК 94(73).091.7

Исторические науки и археология

В статье рассматривается сущность миротворческого обращения президента США Франклина Рузвельта к рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру, состоявшегося 15 апреля 1939 г. Автор выявляет цели Рузвельта, а также подробно анализирует ответное выступление Гитлера в Рейхстаге, во время которого фюрер отринул предложенные инициативы, подверг критике внешнюю политику США и представил агрессивные действия Германии на международной арене как обоснованные шаги на пути восстановления нарушенной Версальским договором исторической справедливости.

Ключевые слова и фразы: Франклин Рузвельт; Адольф Гитлер; Соединенные Штаты Америки; Германия; внешняя политика; политика умиротворения; агрессия.

Орест Викторович Петросянц

Кафедра новой и новейшей истории

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

orest.petrosyants@gmail.com

ОБРАЩЕНИЕ ФРАНКЛИНА РУЗВЕЛЬТА К АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ 15 АПРЕЛЯ 1939 Г. И АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ®

Весенние месяцы 1939 г. были отмечены стремительным ростом международной напряженности в Европе. 15 марта нацистская Германия провела быстротечную операцию по ликвидации Чехословакии. 22 марта Литва подписала с Германией соглашение о передаче ей Мемеля (Клайпеды) – стратегически важного портового города с прилегающей территорией. 7 апреля войска Италии, ближайшего союзника «третьего рейха», вторглись на территорию Албании и в течение нескольких дней без каких-либо усилий оккупировали это небольшое балканское государство.

Тревожные процессы, происходившие в Старом свете, вызывали пристальное внимание Соединенных Штатов Америки, чья европейская внешнеполитическая линия была ориентирована на умиротворение агрессивных держав. Безрезультатность курса на умиротворение агрессора особенно ярко проявилась после заключения в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения, являвшего собой пик подобной политики. Тем не менее, это не стало препятствием для стремления администрации США оказать содействие разрешению европейских межгосударственных противоречий. Крайняя нестабильность ситуации в Европе побудила высшее американское руководство выступить с попыткой мирного посредничества. Она нашла свое выражение в составленном в миротворческом духе обращении президента США Франклина Рузвельта, направленном 15 апреля 1939 г. рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру. Рассмотрение этого документа, являющегося во многом уникальным в дипломатической практике, сопряжено с решением ряда исследовательских задач. Выявление сущности выдвинутых президентом инициатив поможет установить степень их соответствия сложившемуся международному контексту. Анализ реакции на послание Рузвельта, последовавшей с немецкой стороны 28 апреля во время выступления Гитлера в Рейхстаге, будет способствовать определению позиций, занятых фюрером в вопросах, упомянутых лидером США.

Как справедливо отмечается в историографии [8, р. 84], существует несколько версий происхождения данного документа. Государственный секретарь К. Хэлл упоминал, что идея о подобном обращении к Гитлеру была подсказана президенту послом США во Франции У. Буллитом, который в своих донесениях регулярно сообщал о тревожившей его нестабильности в Европе и призывал Рузвельта «предпринять хоть что-нибудь»

[7, p. 620]. Сам Рузвельт отмечал, что авторство идеи о том, чтобы обратиться к фюреру, принадлежало лично ему [2, p. 298]. Так или иначе, доподлинно известно, что работа над текстом и формулировками послания велась в течение нескольких суток, причем активное участие в ней принимали как глава Белого дома, так и высокопоставленные сотрудники государственного департамента США. Поздно вечером 14 апреля послание в окончательной редакции Рузвельта было готово [9, p. 239]. На следующий день оно достигло своего адресата.

Телеграмма американского президента открывалась вводным пассажем, в котором отмечалось, что «сотни миллионов людей по всему миру живут сегодня в постоянном страхе возникновения новой войны или даже серии войн. Этот страх, равно как и возможность подобного конфликта, являются предметами серьезного беспокойства как народа Соединенных Штатов, от имени которого я к Вам обращаюсь, так и народов других государств Западного полушария. Все они понимают, что крупномасштабная война, даже если она будет ограничена пределами других континентов, самым тяжелым образом отразится на их жизни, да и на жизни грядущих поколений. После серьезной напряженности, в которой пребывал мир на протяжении нескольких последних недель, наступило смягчение ситуации, обусловленное тем, что в данный момент нет никаких передвижений войск. Исходя из этого, я счел, что настало время обратиться к Вам с данным посланием» [2, p. 243]. Далее, после нескольких общих фраз о необходимости устранения угроз и всеобщей заинтересованности в мире и безопасности, президент США перешел к фактам: «Необходимо, однако, принять в расчет недавние события. Три европейских государства и одно африканское прекратили свое независимое существование¹. Значительная часть территории одного государства на Дальнем Востоке занята войсками соседней страны². Продолжают приходить неутешительные сообщения, говорящие о возможности осуществления агрессивных актов в отношении других, пока еще независимых государств. Очевидно, что мир движется к тому моменту, когда эта ситуация выльется в катастрофу, если не будет найден разумный путь разрешения противоречий. Многократно заявлялось, что Вы и немецкий народ не желаете войны. Если это так, то и не должно быть никакой войны... Мне ясно, что все международные проблемы могут быть решены за столом переговоров» [Ibidem, p. 243-244].

После этого Рузвельт, повторившись, что все народы однозначно заинтересованы в безопасности и хотя бы решать споры исключительно мирными методами и средствами, «оставив оружие за дверями помещений, где ведутся переговоры», начал деликатно подводить обращение к основной части, теперь уже практической и утилитарной. Подчеркнув, что Соединенные Штаты – государство, расположенное в другом полушарии и не вовлеченное в возникшие в Европе конфликты, президент выразил свою готовность выступить в роли «ответственного и доброжелательного посредника», если Гитлер «хочет обратиться к народам мира с заявлением о курсе, проводимом его правительством» [Ibidem, p. 244].

Но самая главная смысловая нагрузка этой инициативы Рузвельта заключалась буквально в следующих строках: по сути, американский лидер «предлагал» Гитлеру вектор, которым ему следует руководствоваться в осуществлении своей внешней политики.

«Готовы ли Вы дать гарантию, что Ваши вооруженные силы не подвергнут атаке или вторжению следующие государства: Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Швецию, Норвегию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию, Ирландию, Францию, Португалию, Испанию, Швейцарию, Лихтенштейн, Люксембург, Польшу, Венгрию, Румынию, Югославию, Россию, Болгарию, Грецию, Турцию, Ирак, Аравию, Сирию, Палестину, Египет и Иран? Такая гарантия, естественно, должна быть обращена не только к сегодняшнему дню, но к будущему, чтобы могла быть использована любая возможность для достижения мира невоенными средствами. Исходя из этого, я предлагаю Вам толковать слово “будущее” как минимальный период неприменения силы – по меньшей мере он должен составлять 10 лет или же 25 лет, раз уж мы отваживаемся заглядывать настолько далеко вперед. Если Вы предоставите подобную гарантию, я лично незамедлительно перенаправлю ее правительствам перечисленных государств, а также одновременно запрошу их о том, чтобы они в ответ дали такие же гарантии в Вашем отношении. Взаимные гарантии принесут миру немедленное чувство облегчения» [Ibidem], – писал президент Соединенных Штатов.

Сразу после этого Рузвельт развил выдвинутую мысль: «Я полагаю, после этого следует безотлагательно перейти к обсуждению за столом переговоров двух существенных проблем; администрация США с радостью примет в этом участие. Первая из них относится к поиску прямых и наиболее эффективных способов, с помощью которых народы мира смогли бы добиться поступательного избавления от неподъемного бремени вооружений, которое каждый день все ближе и ближе подталкивает их к грани экономического бедствия. В то же время, должны состояться переговоры, нацеленные на выработку практических способов открытия путей для мировой торговли с прицелом на то, чтобы каждое государство могло на равных условиях осуществлять покупку и продажу на мировых рынках, равно как и обладать гарантиями на приобретение материалов и продукции невоенного назначения для мирной экономической жизни» [Ibidem, p. 244-245].

Завершалась же телеграмма Рузвельта выражением надежды на положительный отклик фюрера: «Атмосфера мира не может существовать, когда переговоры омрачаются угрозой применения силы или страхом войны. Я надеюсь, что Вы не воспримете превратно дух искренности, с которым я отправляю свое послание. В этот час главы великих государств в прямом смысле несут ответственность за судьбу человечества в грядущие годы. Они не могут не услышать мольбы народов о защите от предвидимого ими хаоса войны...

¹ Австрия, Чехословакия, Албания; Эфиопия.

² Имеется в виду оккупация Китая Японией.

Я надеюсь, что Ваш ответ позволит человечеству утратить страх и вновь обрести безопасность на многие годы вперед» [Ibidem, p. 245].

Таким образом, вполне допустимо говорить о том, что послание Рузвельта Гитлеру являлось довольно противоречивым документом, сочетавшим в себе ярко выраженные идеалистические посылы с сугубо практическими предложениями.

С одной стороны, существенная часть всего обращения представляла собой набор дипломатичных, отточенных фраз о необходимости мира и заинтересованности в этом всех народов, о пагубности и ужасах войны, об атмосфере страха, окутавшей человечество.

С другой стороны, выдвигался последовательный план действий и мер, который, собственно, и был нацелен на то, чтобы разрядить международную напряженность и попытаться решить соответствующие проблемы без применения насилия, мирными средствами и методами. Тем не менее, не может не вызывать недоумения постановка Рузвельтом вопроса о гарантиях со стороны Германии по отношению к 31 государству. Справедливо будет утверждать, что сама совокупность перечисленных им стран отличалась сочетанием несочетаемого и приравниванием неприравняемого. Государства, упомянутые президентом США, являлись рассеянными в географическом отношении, расположенными в Европе, Азии, даже Африке. Кроме того, многие из них были практически не сопоставимы по уровню своего положения на международной арене. Гитлер не хотел и не мог всерьез отнестись к подобному призыву Рузвельта: помещение в один ряд Польши и Аравии, Румынии и Палестины – государств, занимавших диаметрально противоположные места в расчетах нацистов, не располагало к тому, чтобы принять предложение главы Белого дома.

Следует отметить, что как таковой поступок Рузвельта являл собой недвусмысленную попытку, пусть одну из последних со стороны западных демократий, «умиротворить» агрессора. Гитлеру вновь предлагались определенные условия, которые, согласно логике президента, в случае их принятия и исполнения фюрером поспособствовали бы делу мира.

Таким образом, закономерно утверждать, что если Рузвельт руководствовался убеждениями в достижимости стабилизации обостренной международной обстановки невоенными методами, о чем он написал прямым текстом, то данный подход не мог соответствовать реальному положению вещей и сложившейся к весне 1939 г. общемировой конъюнктуре. Риторика о необходимости озаботиться судьбами цивилизации и внять мольбам народов отличалась значительной степенью оторванности от действительности, являлась проявлением политической наивности и продолжением несостоятельного курса на проведение политики умиротворения, окончательно обанкротившегося к этому времени.

Реакция правительств на обращение Рузвельта оказалась довольно предсказуемой. Франция, Великобритания и малые европейские страны выразили одобрение и поддержку прозвучавшим инициативам.

Что касается агрессивных государств, то их восприятие также было вполне логичным. Пресса буквально подняла на смех Рузвельта и его предложения. Так, немецкая газета *Völkischer Beobachter* отмечала, что «бесстыжие предложения американского президента насчет разоружения и контроля можно выразить иначе, лозунгом: “Назад, Германия, к Версалью!”» [11]. Вдобавок к этому, на своих страницах данное издание поместило не нуждающуюся в комментариях карикатуру, которую можно расценить как квинтэссенцию восприятия лидерами Германии сущности обращения американского президента. На ней был изображен Рузвельт со звездой Давида на лбу и в маске Вудро Вильсона, который жестом руки любезно приглашал немцев в распахнутую дверь тюремной камеры под названием «Версаль», держа при этом ключи от нее у себя в руках [12].

Реакция высших руководителей агрессивных держав на полученное обращение также была весьма показательной. Так, один из ближайших соратников Гитлера, министр авиации Г. Геринг, ознакомившись с текстом послания, заявил, что у президента США «началось расстройство мозга» [1, p. 391], а министр иностранных дел Германии И. Риббентроп резюмировал, что «это был в психологическом плане наихудший шаг, который только можно было предпринять в отношении нашей страны; любой прохожий на улице ответит без всяких колебаний, что Рузвельт захотел повторить старый трюк Вильсона насчет 14 пунктов» [5, p. 13]. Лидер фашистской Италии Б. Муссолини упомянул, что «забавные призывы и мессианские послания Рузвельта» не производят никакого впечатления, призыв же к воздержанию от агрессивных действий на 10 лет дуче назвал «абсурдом» [8, p. 87].

Что касается основного адресата обращения, Адольфа Гитлера, то он, сразу по прочтении телеграммы, назвал американского лидера «сумасшедшим слабоумцем» и решил не отвечать «этому презренному человеку». Однако проведя ряд консультаций, фюрер через два дня изменил свои намерения [5, p. 13].

«Гитлер около часа совещался с Риббентропом насчет поступившего от Рузвельта обращения, и в итоге было решено, что 28 апреля он произнесет по этому поводу речь перед Рейхстагом. Подобный образ действий выбран, видимо, в связи с тем, чтобы обеспечить Гитлеру как можно большую аудиторию в масштабах всего мира» [4, p. 138-139], – сообщил из Берлина в государственный департамент американский дипломат Р. Гейтс.

21 апреля Гитлер, упомянув про обращение Рузвельта, произнес: «Это первый раз, когда оппонент публично бросает мне вызов, призывая вступить с ним в дискуссию, но он серьезно пожалеет об этом» [5, p. 13-14].

В течение последующей недели Германия направила правительствам ряда перечисленных президентом стран запросы с целью «добровольного» подтверждения ими того, что они не чувствуют по отношению к себе никакой угрозы с немецкой стороны. Большинство правительств предоставило ожидаемые отрицательные отклики.

28 апреля 1939 г. Адольф Гитлер выступил перед Рейхстагом с речью, в которой был заключен его «ответ» на полученное от Рузвельта послание. Несмотря на то, что в принципе речь была заготовлена для немецкой аудитории, ее в прямом эфире транслировали сотни радиостанций по всему миру, в том числе и в Соединенных Штатах.

Фюрер начал с привычных слов о несправедливости Версальского договора, о лишениях, которые вследствие его условий вынуждены испытывать немцы. После этого он отметил, что территориальные приобретения Германии, произошедшие в последнее время, являлись ни чем иным, как естественными составляющими процесса, заключавшегося в восстановлении границ и возвращении соотечественников в пределы родного государства.

Переключившись затем на Великобританию, Гитлер заявил, что он на протяжении всей своей политической деятельности придерживался идеи о тесной дружбе и сотрудничестве между Берлином и Лондоном. Однако, подчеркнул фюрер, подобные отношения могут существовать только лишь на основе уважения, которого Великобритания никоим образом не проявляет: «Сегодня Англия, как на неофициальном, так и на официальном уровне, придерживается взглядов, заключающихся в том, что Германии следует препятствовать всеми средствами, и реализует эти воззрения, проводя уже знакомую нам “политику окружения”. Таким образом, оснований для существования англо-германского морского договора более не существует» [3, S. 1159], – в таких выражениях было заявлено о денонсации соглашения 1935 г.¹

Затем наступила очередь Польши. Гитлер поведал о сделанных этой стране предложениях по поводу Даницга и предоставления Германии права на постройку экстерриториальных железнодорожных и шоссе-ных магистралей на территории «польского коридора»², которые доселе держались в секрете, причем расценил собственные действия как «величайшую уступку во имя мира в Европе, какую только можно вообразить», после чего довел до сведения членов Рейхстага, что польское правительство отклонило этот «замечательный вариант»: «Я сожалею о таком непонятном поведении правительства Польши. Самое худшее, что теперь она, как и год назад Чехословакия, под давлением массовой международной кампании полагает, что необходимо провести мобилизацию войск, хотя Германия не призвала ни одного солдата и не вынашивает каких бы то ни было планов против Польши... Потомки в один прекрасный день рассудят, правильно ли было отвергать мое предложение – поистине уникальный компромисс, который можно было использовать со взаимной выгодой для обеих стран» [Ibidem, S. 1163].

В связи с этим Гитлер заявил: «Все сообщения о том, что Германия собирается напасть на Польшу, являются гнусной выдумкой зарубежной прессы». Происки газетчиков, продолжал фюрер, привели к тому, что Польша заключила соглашение с Англией, которое «при определенных обстоятельствах вынудит ее предпринять военные действия против Германии». Подобное поведение противоречит пакту о ненападении, нарушая его условия: «В свете данных событий Германия более не является связанной с Польшей никакими обязательствами. Какой толк может быть от заключенного пакта, если одна из сторон уклоняется от его исполнения?» [Ibidem], – резюмировал он. Неприкрытая лож насчет отсутствия агрессивных планов в отношении Польши сочеталась в словах Гитлера с обвинениями самой Варшавы в стремлении к проведению выраженной антигерманской линии.

Таким образом, Германия в одностороннем порядке денонсировала два официальных международных договора, тем самым фактически обеспечив себе еще большую «свободу рук» в Старом свете.

Уделив внимание нынешнему положению своей страны, состоянию дел на европейском континенте и сделав важнейшие политические заявления международной направленности, Гитлер непосредственно перешел к полученной от Рузвельта телеграмме. Разделив послание американского президента на несколько пунктов, он стал методично отвергать содержавшиеся в них предложения.

Так, зачитав мнение Рузвельта о том, что миллионы людей живут, испытывая постоянный страх в ожидании новых вооруженных столкновений, Гитлер упомянул, что после подписания Версальского договора произошло 14 войн, ни в одной из которых Германия не принимала участия, а государства Западного полушария, напротив, принимали. Сами же США в это время осуществили 26 «кровавых и насильственных интервенций», к которым Германия также не имела ни малейшего отношения.

Коснувшись «исчезновения трех государств в Европе и одного в Африке», Гитлер безапелляционно повторил, что в Европе состоялось восстановление исторической справедливости, воссоединение без применения насилия искусственно и преступно разделенных народа и территории. По сути, из слов Гитлера следовало, что произошедшие нарушения постановлений Версаля были логичными и вполне обоснованными явлениями, которые не должны подвергаться критике со стороны других держав. Представление о том, что только «одна страна» в Африке утратила независимость, также ошибочно, поскольку почти все государства Африки лишены свободы, являясь объектами применения силы со стороны других государств: «Марокканцы, берберы, арабы, негры,

¹ Англо-германское морское соглашение, заключенное 18 июня 1935 г., изменило соотношение военно-морских сил Великобритании и фашистской Германии и способствовало возрождению немецкого военно-морского флота. Предоставляло Германии право иметь флот, по тоннажу равный 35% общего водоизмещения военно-морских сил Британской империи. Тоннаж германского подводного флота устанавливался в размере 45% общего тоннажа подводных лодок Британской империи, при этом в принципе Германии было предоставлено право на его увеличение до размеров подводного флота Британской империи.

² Часть польской территории, которая отделяла немецкий эксклав Восточная Пруссия от основной немецкой территории, в том числе ближайшей к ней провинции Померания. Была передана Польше по итогам Версальского мирного договора, обеспечив ей доступ к Балтийскому морю.

да и остальные народы пали жертвами меча зарубежной силы, на рукояти которого не было выбито “Сделан в Германии”, а значилось “Выкован в демократических государствах”» [Ibidem, S. 1169].

Отметив затем важность стремлений Рузвельта к тому, чтобы международные противоречия решались исключительно мирными средствами и за столом переговоров, Гитлер посетовал: «Я был бы счастлив, если эти проблемы на самом деле могли быть устранены подобным образом. Однако мой скептицизм основан на том, что сама Америка ярко продемонстрировала свое неверие в действенность конференций. Величайшая конференция всех времен – Лига Наций... представляющая все народы мира, была создана по инициативе американского президента, однако первым государством, которое вышло из этой организации, были Соединенные Штаты... Я последовал примеру Америки только после долгих лет бесполезного членства... Свобода самой Северной Америки была завоевана не за столом переговоров, не там решался конфликт между Севером и Югом. Я уже не говорю о многочисленных сражениях, предшествовавших полному покорению Североамериканского континента. Я упомянул обо всем этом лишь для того, господин Рузвельт, чтобы показать, что Ваши взгляды, несомненно заслуживающие уважения, не подтверждаются примерами ни из истории Вашей страны, ни из истории остального мира» [Ibidem, S. 1170-1171]. Кроме того, Гитлер подчеркнул, что Германия приняла участие в конференции в Версале, но не для обсуждений, а для того, чтобы выслушать, что ей делать, и именно там представители Германии «подверглись большему унижению, чем когда-то вожди индейцев сиу». Запрос Рузвельта относительно дальнейших намерений Германии в Европе фюрер расценил как «бестактное незаконное вмешательство во внутренние дела», добавив при этом, что сами Соединенные Штаты никогда не оповещают никого насчет собственных планов в отношении Центральной и Южной Америки, что вполне соответствовало действительности.

После этого Гитлер наконец дошел до просьбы президента дать гарантии ненападения на 31 страну. «Как господин Рузвельт узнал, какие нации видят для себя угрозу в политике Германии, а какие нет? Или, может быть, мистер Рузвельт, несмотря на огромный объем работы, который ему приходится выполнять в своей стране, имеет время вникать во внутренние проблемы других народов и их правительств?» [Ibidem, S. 1173], – вопрошал оратор.

Далее фюрер слово в слово повторил список стран, упомянутых президентом США, и перешел к самой экспрессивной части своего выступления. «Я потрудился выяснить у перечисленных государств, во-первых, считают ли они, что для них существует угроза, и, во-вторых, был ли запрос американского президента сделан по их просьбе или, по крайней мере, с их согласия. Во всех случаях ответ был отрицательным... Правда, от некоторых государств я не мог получить ответ на свои вопросы, потому что в настоящее время они, как, например, Сирия, не являются свободными, а оккупированы и, следовательно, лишены независимости армиями демократических государств. Кроме того, все государства, граничащие с Германией, получили с ее стороны обязательства более четкие, чем те, о которых просит меня мистер Рузвельт в своей курьезной телеграмме. Также я вынужден обратить внимание господина Рузвельта на пару исторических ошибок. Он упомянул Ирландию и просит от меня заверения, что Германия не нападет на нее. Так вот, я только что прочитал речь де Валера, ирландского премьер-министра, в которой он выражает мнение, противоречащее высказыванию мистера Рузвельта. Он не обвиняет *Германию* в притеснении Ирландии, а обвиняет *Англию* в постоянно совершаемой против его страны агрессии... Точно так же, вероятно, от внимания господина президента ускользнул тот факт, что Палестина в настоящее время оккупирована отнюдь не немецкими, а английскими войсками, и что свобода этой страны попирается жесточайшим образом с помощью оружия» [Ibidem, S. 1173-1174] – произнес фюрер.

Тем не менее, Гитлер заявил, что готов предоставить каждой из перечисленных стран гарантии, как того желает американский президент, добавив: «Более того, я не хотел бы упускать возможность дать помимо всего прочего президенту Соединенных Штатов заверения по поводу территорий, которые, в конечном счете, должны волновать его больше всего, – я имею в виду сами США и другие государства американского континента. Я клятвенно заявляю, что любые бытующие сейчас утверждения, так или иначе связанные с нападением Германии на Америку или вторжением на ее территорию, являются чудовищной ложью. Я даже не говорю о том, что такие утверждения могут быть лишь плодом больного воображения, если взглянуть на них с военной точки зрения» [Ibidem, S. 1174]. Чтобы отвергнуть доводы Рузвельта об идущем полным ходом наращивании военных потенциалов, фюрер скрупулезно перечислил данные, выражавшие количество разного рода вооружений, которых Германия лишилась в результате постановлений Версала.

Коснувшись предложения Рузвельта по совершенствованию и развитию мировой торговли, Гитлер подчеркнул, что Соединенным Штатам в этом плане следовало бы начинать с самих себя – с изменения собственной экономической политики, проводимой по отношению к другим государствам, с отмены соответствующих барьеров и препятствий.

Заявив, таким образом, о полном отсутствии каких бы то ни было интересов «третьего рейха» в Западном полушарии и подвергнув попутной критике меры, предпринимаемые США в финансово-экономической области, Гитлер перешел к заключительной части своей речи. В ней фюрер заострил внимание на том, что за время своего правления он преодолел хаос в Германии, восстановил порядок, увеличил производство во всех отраслях промышленности, ликвидировал безработицу, объединил немецкий народ политически и морально, «уничтожил, страницу за страницей, договор, все 448 статей которого содержали величайшие притеснения, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться человеку», вернул в состав государства провинции, потерянные в 1919 году, возвратил на родину миллионы соотечественников, которые были от нее оторваны и жили в нищете, восстановил единство немецких территорий [Ibidem, S. 1177-1179]. При этом было упомянуто, что

перечисленные действия были осуществлены без кровопролития и не принесли ни германскому, ни другим народам ужасов войны. Речь Гитлера завершалась словами о том, что он готов «служить тому, в чем мы все заинтересованы» – справедливости, процветанию, прогрессу и миру всего человечества [Ibidem, S. 1179].

Из слов фюрера следовало, что все внутренние преобразования в Германии направлены исключительно на восстановление разгромленной экономически и униженной политически страны, а изменения на карте Европы, произошедшие вследствие немецких действий, служат исключительно делу стабильности и безопасности, причем осуществляются они мирными методами и не несут никому «хаоса и страха войны», которые с тревогой упомянул Рузвельт в своем обращении.

Речь Гитлера стала важнейшим событием международной политической жизни. Следует отметить ряд моментов, характерных для данного выступления.

Во-первых, Рузвельт и мировое сообщество так и не получили ответа на главный вопрос о том, возможна ли агрессия и впредь. Гитлер, сочетая твердую аргументацию своих утверждений с неприкрытой ложью, представил цели и задачи Германии как исключительно мирные, ориентированные на восстановление погранной Версальским договором «исторической справедливости».

Во-вторых, фюрер, по сути, высмеял, пусть и сохраняя подчеркнуто серьезный тон повествования, обращение американского президента как таковое, представив его своеобразным «курьезом». Миротворческие инициативы лидера США, нацеленные на разрядку международной напряженности, оказались отринутыми; при этом был сделан акцент на изъянах логики Рузвельта и сущности выдвинутых им предложений.

В-третьих, следствием стало то, что Гитлер добился серьезного пропагандистского успеха. Произнесенную им речь слушали миллионы людей в десятках стран, ее переводы распространялись тысячами копий, в том числе и в США (глава немецкой дипломатической миссии Г. Томсен сообщал, что интерес к ней превосходит самые смелые ожидания [2, p. 394]). Выступление в Рейхстаге позволило фюреру выставить осуществленные «третьим рейхом» агрессивные акты в качестве мотивированных шагов на пути восстановления нарушенной положениями Версальского договора целостности германской территории.

В Германии реакция на своеобразный «ответ» Гитлера Рузвельту была восторженной. Члены НСДАП приветствовали выступление фюрера и сделанные им заявления. *Völkischer Beobachter* вышла с заголовком: «Целый мир слышал, как Рузвельт был словесно уничтожен!» и повествовала о том, что фюрер произвел «политическую казнь» лидера США [6, S. 127].

Естественно, что выступление рейхсканцлера также вызвало отклики и в самих Соединенных Штатах. Официальная реакция, что вполне объяснимо, была довольно скупой. Рузвельт, очевидно уязвленный высказываниями Гитлера, воздержался от каких-либо оценок. Пресс-секретарь Белого дома М. МакДермотт направил Г. Томсену конфиденциальную телеграмму, в которой максимально сдержанно выражалось «разочарование в том, что канцлер не принял предложений президента, и, по-видимому, не проникся их духом» [2, p. 358]. На совещании в государственном департаменте было принято решение о том, что никаких комментариев прессе, за исключением констатации факта, что Гитлер не дал определенного ответа на инициативу Рузвельта, предоставлять не следует [9, p. 241].

Газеты в основном сошлись на точке зрения, что речь Гитлера никоим образом не разрядила кризисную атмосферу, сложившуюся в течение последнего времени, и что война в Европе по-прежнему вполне вероятна. Изоляционистские же издания, в свою очередь, подчеркнули справедливость и правомерность требований Германии относительно Данцига и получения права пользования «коридором» [2, p. 363].

Мнения представителей американского политического истеблишмента также разделились, причем сторонники интернационализма оказались в меньшинстве. Так, явно осудил позицию Гитлера лишь спикер Палаты представителей Конгресса У. Бэнкхед, заявивший, что Германия никоим образом не уважает международные договоры и обязательства, и в ближайшем будущем следует ожидать ухудшения и без того сложной обстановки [Ibidem, p. 358].

Что касается ведущих изоляционистов, то они весьма живо отреагировали на произошедшее. Сенатор-республиканец Дж. Най заявил, что «Рузвельт сам напросился на это», его коллега У. Бора выразил мнение, что наконец-то «у человека из Белого дома произошла встреча с достойным противником»; их однопартиец Х. Джонсон высказался наиболее радикально, обвинив президента в том, что именно он ищет повода к войне, а вовсе не диктаторы: «Рузвельт хочет опрокинуть Гитлера и Муссолини, двух европейских правителей, с той лишь целью, чтобы затем самому более прочно обосноваться здесь, в Америке!» [10, p. 521]

Общий же итог данного обмена обращениями можно свести к тому, что Рузвельт, действуя в русле терпеливейшей явной крах политики умиротворения, осуществил одну из последних попыток склонить нацистскую Германию к принятию мирной позиции. Лидер США рассчитывал разрядить напряженную обстановку в Европе и мире, попутно заработав себе весомые внутривнутриполитические очки. Однако его намерение осталось нерезультативным – ответное выступление Гитлера способствовало тому, что президент оказался оставленным по обе стороны Атлантики в качестве несведущего человека, претендовавшего на решение задач глобального порядка, а выдвинутые им инициативы были, по сути, отнесены к разряду недоразумений. Рузвельт, стремившийся проявить себя в качестве интернационалиста, потерпел ощутимое поражение, не достигнув обращением к рейхсканцлеру ни одной из преследуемых целей. В свою очередь, речь фюрера, несмотря на содержащийся в ней ряд откровенно лживых и популистских утверждений, несла весьма выгодный для «третьего рейха» идеологический эффект. Агрессивная внешнеполитическая программа гитлеризма оказалась представленной в конструктивном ключе, а действия Германии на международной арене, охарактеризованные как сугубо мирные и закономерные, были обоснованы перед многочисленной аудиторией в мировом масштабе.

Список литературы

1. **Burns J.** Roosevelt: the Lion and the Fox. N. Y., 1956. 553 p.
2. **Documents on German Foreign Policy, 1918-1945. Series D (1937-1945).** L., 1956. Vol. 6. The Last Months of Peace. March-August 1939. 1149 p.
3. **Domarus M.** Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945. Würzburg, 1963. Band 2. Untergang (1939-1945). S. 1001-2323.
4. **Foreign Relations of the United States. 1939.** Washington, 1956. Volume 1. General. 1059 p.
5. **Friedländer S.** Prelude to Downfall. Hitler and the United States, 1939-1941. L., 1967. 328 p.
6. **Hass G.** Von München bis Pearl Harbor: zur Geschichte der deutsch-amerikanischen Beziehungen, 1938-1941. Berlin, 1965. 279 S.
7. **Hull C.** The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. Vol. 1. 916 p.
8. **Langer W., Gleason S.** The Challenge to Isolation. The World Crisis of 1937-1940 and American Foreign Policy. Gloucester, 1970. Vol. 1. 404 p.
9. **Moffat J. P.** The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of J. P. Moffat. 1919-1943. Cambridge, 1956. 408 p.
10. **Tansill Ch.** Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933-1941. Chicago, 1952. 690 p.
11. **Völkischer Beobachter.** 1939. 18. April.
12. **Völkischer Beobachter.** 1939. 22. April.

**APPEAL OF FRANKLIN ROOSEVELT TO ADOLF HITLER ON 15 APRIL 1939
AND AMERICAN-GERMAN RELATIONS**

Orest Viktorovich Petrosyants

*Department of Modern and Contemporary History
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
orest.petrosyants@gmail.com*

The author considers the essence of the peacekeeping appeal of the U.S. President Franklin Roosevelt to the Reichschancellor of Germany Adolf Hitler, which took place on April 15, 1939, reveals the goals of Roosevelt, and also analyzes in detail the response address of Hitler in the Reichstag, in which the Führer rejected the proposed initiatives, criticized the U.S. foreign policy and presented the aggressive actions of Germany in international arena as reasonable steps towards the restoration of historical justice broken by Versailles treaty.

Key words and phrases: Franklin Roosevelt; Adolf Hitler; the United States of America; Germany; foreign policy; appeasement policy; aggression.

УДК 2-1

Философские науки

В статье предпринято комплексное исследование взаимосвязи «религиозного феномена» как результата длительного, пролонгированного отчуждения в условиях современной цивилизации и «религиозной аномии» как состояния индивидуального сознания, в котором трансформируются коллизии природного, социального и духовного бытия. Автором дана характеристика аспектов религиозной аномии и сделан вывод о возможности преодоления религиозной аномии в результате формирования ноосферного мышления у личности.

Ключевые слова и фразы: аномия; ноосфера; религиозный феномен; религиозный комплекс; религиозная аномия; религия как результат отчуждения.

Каринэ Ивановна Политкина, к. филос. н., доцент
*Кафедра философии, культурологии и этнологии
Пятигорский государственный лингвистический университет
karen717@yandex.ru*

**КОНЦЕПТЫ «РЕЛИГИОЗНАЯ АНОМИЯ» И «РЕЛИГИОЗНЫЙ ФЕНОМЕН»
В АНАЛИЗЕ КОЛЛИЗИЙ ОТЧУЖДЕНИЯ ИНДИВИДА В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ[©]**

Между двумя составляющими мировой культуры – религиоведением и социальной экологией – выделяется научное пространство, в котором можно исследовать существенные аспекты для современного социального бытия. В их числе категории и концепты современной философии и социологии религии, а также экологии человека и социальной экологии связанные с изучением ряда сторон бытия индивида в условиях продолжающегося социального, экономического, экологического и духовного кризиса технократической цивилизации, транспонированного из прошлого века в нынешнее столетие.

Цель данной статьи – взаимосвязанное исследование сущности религиозного феномена как результата длительного, пролонгированного отчуждения и религиозной аномии как состояния индивидуального сознания. В связи с этим выделяются следующие задачи. Во-первых, необходимо наметить понятийный аппарат дихотомии религиоведения и социальной экологии как взаимосвязанных областей существования и